Николай ГОЛОВКИН

РЯБИНА

Стихотворения и поэма

ИД «ВЕЛИКОРОССЪ»
ИКП «Путь»

Москва
2012

УДК 82-141
ББК 84 (2Рос=Рус)
Г612

Головкин Н.А.

Г612 **Рябина :** Стихотворения и поэма. – М. : ИКП «Путь»; ИД «ВЕЛИКОРОССЪ», 2012. – 140 с.

ISBN 978-5-8444-0442-9

В новую книгу избранных стихотворений Николая Головкина вошла его духовная, философская, гражданская, любовная лирика. Лирический герой верит, надеется, любит, живёт жизнью нашего земного Отечества – России, её великого народа.

Николай Головкин – московский поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Член Союза театральных деятелей России. Член Международного клуба православных литераторов «Омилия». Посол мира.

УДК 82-141
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-8444-0442-9

© Головкин Н.А., 2012
© ИКП «Путь», 2012
© ИД «Великоросс», 2012

Свет доброты

* * *

С міромъ!
Мы ходим по трудным дорогам.
Носит судьба нас по разным орбитам.
Путь не прочерчен нам Господом Богом.
Крут и тернист.
Мы же склонны к обидам.

Но на кого?
На себя?
На планету,
что нам всё меньше цедит озона?
Бросишь в фонтан золотую монету,
а возвращаться — нету резона.

Каждый из нас —
одинокий прохожий.
Так мы приходим
и так угасаем.
И, как свеча, здесь пока не растаем —
встретимся!
Может, в том Промысл Божий?

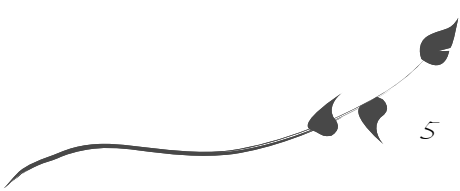
1989, 2010

* * *

В перекрестии дорог
Путь всегда укажет Бог.
Сердцем только б помолиться:
Господи, куда стремиться?
Может, здесь остановиться –
добрым людям послужить,
призван так ты жизнь прожить.

Божий Промысл – неведом.
Мы пройдём.
Идущим следом –
не прервать бы с прошлым нить
и о будущем молить,
отведя молитвой беды.
В перекрестии дорог
да укажет путь нам Бог...

2010



К имени своему

Из тысячи имён –
одно воскреснет в сыне.
Неписаный закон,
чьи корни в толще лет.

Наверно, подсказал
родителям, что ныне
я – буду Николай.
Во мне продлится дед.

Всё наше бытие –
приливы и отливы.
Нет смерти у имён
пока потомки живы.

1987

Евстафий

Икона «Преп. Сергий Радонежский в житии», написанная в 1591 году троицким иконописцем Евстафием Головкиным, воплотила образ Игумена Земли Русской — Сергия Радонежского, который благословил святого благоверного великого князя Димитрия Донского на Куликовскую битву

Возможно, мой предок — Евстафий,
иконы писавший?! Сейчас
важней мне в наш век фотографий
другая — духовная связь!

Душа как святая обитель,
а Сергий — наш мир, мой народ.
Евстафий! Ты старца не видел —
легенда в иконе живёт.

Я Сергия верю завету:
«Добро порождает добро».
Вот — Бог! Веру светлую эту
напрасно чернит серебро.

Эпохи прошли. Между нами,
Евстафий, родство, если есть,
мне наша фамильная честь —
свечи негасимое пламя.

1991

Свет доброты

Памяти московского художника
Константина Радимова,
школьного друга отца

Добрые лица — лики святых.
Я очищаюсь, глядя на них.
Каждой эпохи — совесть и соль.
Их озаряют радость и боль.

Жизнь — продолженье старых икон.
Свет лиц и ярок, и приглушён.
Пусть незнакомы вовсе черты.
Встретишь повсюду — свет доброты.

1995, 2012

Фронтовая фотография

Памяти тёти Е.В. Можуховской (Головкиной) — участницы Сталинградской битвы, зенитчицы, после Великой Отечественной вернулась в родную Москву, окончила искусствоведческое отделение МГУ, много лет проработала в журнале «Художник»

На фотографии военной
(во многих семьях их хранят)
в шинелишках обыкновенных
я вижу девушек-солдат.

И узнаю лицо родное.
Чуть больше тёте двадцати.
Судьба могла бы быть иною —
война все спутана пути.

Хоть фотографии стареют —
они о многом говорят.
Мы вновь в зенитной батарее.
Передовая. Сталинград.

Военный фотокорр услуги
тогда свои представить смог.
Снялись на память... Где ж подруги
нелёгких фронтовых дорог?

Не всех с войны дождались дома.
Живыми снимок свёл девчат.
И Лиза, Нина, Маша, Тома,
обнявшись, в наши дни глядят.

Глядят на наши поколенья.
Так ждали — счастье к ним придёт.
Но завтра — новое сраженье...
И поредеет их расчёт.

Мы молодыми видим близких,
какими знать не довелось.
А в их военной переписке
есть и для нас привет, небось.

...Не надевала тётя наша
своих наград — скромна душой.
Вот письма. Астраханка Маша
приветы шлёт семьи большой.

Подруги виделись не часто:
свои заботы и дела...
Воспоминания не гаснут.
И фотография цела.

1985, 2005

Неизвестному солдату

Памяти А.В. Семёнова, дяди отца
по материнской линии, пропавшего
без вести в годы Великой Отечественной

Рожденьем я – осеннего призыва.
И в мыслях вновь на той передовой,
где памятник на Запад, словно ива,
склонясь, застыл, последний помня бой.

Прости, солдат, что холмик не ухожен,
нет имени, некрашена звезда...
Твой вечен сон и всё-таки тревожен.
Так нас гудками будят поезда.

Прости, солдат!
Кем стал, был б счастлив ль в браке,
не будь в твоей судьбе последний бой?!
Ты здесь упал в отчаянной атаке:
ведь кто-то ж должен жертвовать собой?!

Последний долг...
Да разве это много?!
Жизнь – подвигу бессмертному цена.
Не зарастай же в памяти, дорога.
Солдаты – обретите имена!

1985, 1999

Птица-память

Словно вдовы, плакучие ивы,
в вечной скорби склоняясь к воде,
разглядеть в ней хотят тех, красивых,
что ушли... Отраженье, ты где?!

Затуманилась гладь зеркальная.
Ничегошеньки не видать.
Память близкая — память дальняя
отражением может стать.

«Отразился ты в памяти, милый...» —
Вдовы ждут, ждут до нынешних дней.
И, отдав ожиданью все силы,
растворятся в просторах полей.

Затуманилась гладь зеркальная.
Ничегошеньки не видать.
Память близкая — память дальняя
отражением может стать.

Память чайкой летит белокрылою
над простором полей много лет.
Снег ложится на землю остылую —
вдов солдатских он светлый завет.

Затуманилась гладь зеркальная.
Ничегошеньки не видать.
Память близкая — память дальняя
отражением может стать.

Словно вдовы, плакучие ивы.
Птица-память спустилась к воде.
Только миг видеть им тех, красивых,
что ушли... Отраженье, ты где?!

Затуманилась гладь зеркальная.
Ничегошеньки не видать.
Память близкая — память дальняя
отражением может стать.

1985

«Не иммигрант, не иностранец...»

* * *

Нас было много на челне:
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
Вглубь мощны вёслы.

А.С. Пушкин «Арион» (1827)

В тумане наскочил на рифы
корабль, что в трюмах вёз вино.
В то время заменяли мифы
в кают-компаниях кино.

В спецхран сюжет сей
сослан с грифом:
«Секретно!».
Автора – в ГУЛАГ.

Он был – не враг.
Сгорел от тифа.
И было так –
не столь давно...

1981, 2012

Кобра

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи.
Мы меняем души, не тела...

Н.С. Гумилёв «Память» (1920)

Коброй сброшенную кожу
я решился натянуть.
И теперь любой прохожий
уступить готов мне путь.

Кто-то низко поклонился:
для него теперь я — власть!
А вчера ещё стремился
очернить, помочь упасть.

Кто-то всучивает душу —
не торгуясь, лишь бы взял.
А в придачу также уши:
чтобы я про всех всё знал.

Кто-то есть при мне не смеет:
«После вас лишь, после вас!».
Кто-то, ближе став, наглеет:
«Эй, он занят! Сгиньте с глаз!».

Несть числа их заявленьям:
«Кобра — лучшая змея!».
И, застыв в оцепененье.
отложил бросок свой я.

Как ужалить их хотелось
иль до смерти напугать!
И, убив желанье лгать,
привечал талант и смелость!

Не чета им — змеелов:
не поёт он лживых слов.
В схватке с ним я б покорился.
Ждал...
Но что-то не явился.

В «Книгу красную» и он,
видно, будет занесён.
А нарушится баланс:
кобрам — воля,
страшный шанс!

Нет, душа, ты неизменна!
Человек я — не змея!
И из кожи, как из плена,
прочь скорее, плоть моя!

Всяк оброненную кожу
пнёт теперь ногою всласть.
Сами фюреров мы множим.
В грязь — экс-власть!
Час тяжек — пасть...

Передумал и вернулся.
Кожу вмиг в костре спалил:
коброй чтоб не обернулся
тот, кто зло в душе копил.

1983, 2010

* * *

Опять запоздавшее чувство вины:
страну довели, мол, до ручки.
Точь-в-точь в «дурачка»: и умы, и чины
спустили — пришли недоучки.

Без козырей разве удастся игра:
азарт — ненадёжный товарищ?!
В богатой стране на дырище — дыра.
Путь дым застилает пожарищ.

Сжигая мосты, — лишь вперёд и вперёд,
на корни плевать вековые!
Но лошадь — чем дальше — всё хуже ползёт:
был выбран хомут не по вые.

И вот ни туды мы отсель, ни сюды.
На месте торчим, как в болоте...
Добрался кой-кто до проточной воды.
Своей только предан заботе.

Есть дума одна — в одиночку скорей
на берег, где суше и слаще.
Нет дела теперь до вчерашних друзей.
А нам — не догнать уходящих!

В нас силы остались.
Дорогу найдём.
Уже миновали болото.
Ночлег,
скромный ужин
и ранний подъём.
Надежда на лучшее что-то.

1992

* * *

Я часто думаю о том,
как всё успеть, не уставая!
Жизнь — чаша полная до края,
жизнь — чаша полная до края,
жизнь — чаша полная до края,
опорожнённая потом.

В пространстве мелочном, пустом
мечта томится, угасая.
Живём о будущем не зная,
живём о будущем не зная.
живём о будущем не зная.
И наш ветшает тихо дом.

1989

* * *

Жизнь России сегодняшней — кома.
Нет страны.
Нет проблемы.
Нет Дома.
Лишь осколки.
В них — смерть мировая.
На сей раз не спасёт Герда Кая.

Сон.
Мираж.
Правды в этом — ни капли.
Да, нет денег,
чтоб съездить на Капри.
Да, стар Дом.
И проблем аж до крыши.
Но Россия на ладан не дышит!

И не роется в сердце анатом,
извлекая чернобыльский атом,
к развитым занесённый соседям
из страны забуревших медведей.
От ухабов дороги — тревога.
Нет царя.
Выше стало до Бога!

1992

* * *

Горят леса – горит Россия.
И здесь, и тут тревожный счёт.
Что уповать – придёт Мессия?!
Нет, нового изгнать Батыя
собраться должен сам народ...

2012

* * *

Мы истоки свои позабыли.
И чужие всё слушаем были.
Обмелели. Вот так же, как реки.
Неужели всерьёз и навеки?

2012

* * *

Не иммигрант, не иностранец
в своей стране.
Не беженец. Духовно в Стане
кто близок мне?!

И веет холодом и грустью
издалека.
Всё дальше друг от друга к устью
рек берега.

На реках, реках-то заторы...
Горбами лёд.
Когда же кончатся раздоры.
Весна придет?

Где отчее? Чужие лица,
чужая речь.
О, Боже, помоги молиться,
страну сберечь...

1992, 2010

* * *

К 90-летию образования СССР

Выхожу один на сцену.
Что отвечу Чемберлену,
гитлерам, что в злом азарте,
стёрли бы Страну на карте?!

Мне слепят глаза софиты.
И ещё не скоро даты:
сорок первый – сорок пятый.
Живы все и не забыты.

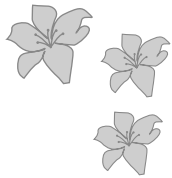
Берег левый наш и правый.
И не родились покуда
беловежские иуды.
СССР – не переправа.

Часть одна шестая света
в свете рампы – вновь Держава.
Здесь за всех, кто ждёт ответа,
говорить имею право.

Вижу зло – и то, и это.
И накладываю вето.
Что отвечу Чемберлену,
выходя один на сцену?!

2012

«Так хочется весны...»



* * *

Переход к зиме
после Покрова.
Кланяясь земле,
вновь кружит листва.

Дуб, берёза, клён
испокон веков
кроной бьют поклон.
Зимний ждут покров.

Груз стряхнули с плеч,
на молитву став –
у деревьев-свеч
есть такой устав.

Вновь кружит листва,
кланяясь земле.
После Покрова
переход к зиме.

2012

* * *

По лесу сумрак стелется,
но длится жизнь-живот...
В лесу родилась елица,
и вот она живёт.

Елена Буевич. «Елица»

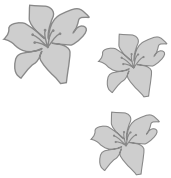
В лесу вольготно елице.
А до небес сколь верст!
И в заповедной кельице
их ей Господь отверз.

Ей служат белки с птицами.
«Мила твоя краса».
И любит подивиться
на сестру свою лиса.

Закружится метелица,
одарит серебром.
Жизнь крутится, как мельница,
день мелется за днём.

В лесу вольготно елице.
А до небес сколь верст!
И в заповедной кельице
их ей Господь отверз.

2010



* * *

Вдоль дороги стоят, как солдаты, столбы.
Две березки по-бабьи наморщили лбы.
Своих братьев лесных провожая служить,
им желают здоровыми быть.

Ну, а если в пути вдруг один упадёт,
то другой его место в шеренге займёт.
Дальше сам на плечах понесёт провода.
Ждут свет сёла и ждут города.

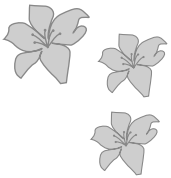
1987

* * *

Памяти режиссёра из Новосибирска
Ювеналия Соловьёва

Вот и скрылась из виду деревня,
а вдоль трассы –
лесная страна.
Хор берёз,
как живая стена,
к нам поближе –
солисты-деревья.

На дорогу б им выйти теперь.
Сесть в попутку
и в город уехать,
там, на сценах,
добиться успехов...
Не судьба!
Больше – жертв
и потерь.



Здесь, талантливым этим певцам,
вековать,
будет всё, как и прежде.
Сколько их извели по печам?!
Но стоят всё берёзы
в надежде.

А вдоль трассы –
лесная страна.
Вот и скрылась из виду деревня.
Расступилась стена –
хор берёз.
И у них, и у нас столько слёз!
Может, нас и простили деревья...

1987, 2012

Берёза

Маме

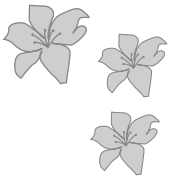
Боль берёзе не унять –
пригорюнилась опять.
Не сдержать берёзе слезы.
Никому и невдомёк,
как он горек,
как он горек,
как он горек,
сладкий сок.

Боль берёзы не понять,
если сердцем не принять.
Подойди и ствол погладь,
на пригорке рядом сядь.
Белоствольная берёза,
как седая наша мать.

Поддувает ветер в спину,
шаль поправила опять.
Много-много хочет сыну
рассказать при встрече мать.

Только вновь явились слёзы.
Как ждала тебя она!
Плачет старая берёза.
А вокруг нас –
тишина.

1987



* * *

В берёзовой почке
заложены гены берёз.
И трепетный почерк
весны.
И поэзия гроз.

И речка.
И ивы.
И зорька.
И свет от стволов.
И ветра порывы.
И песенка эта без слов.

И тракторы в поле.
И солнечных борозд лучи.
Деревня на взгорье.
И небо, что рядом почти.

И гул самолёта
над рощей.
И птиц голоса.
Волшебное что-то.
В мир почка открыла глаза.

1987

* * *

Так хочется весны
и музыки капели.
Пусть не тревожат сны,
врываясь в них, метели!

Пусть оттепель в душе:
подснежник — как улыбка.
И светлое уже
не будет в жизни зыбко.

Пусть грустное, а с ним —
болезни и невзгоды, —
как талые все воды,
весны несёт гольфстрим...

2010

«Ещё ночь, но будет утро...»

* * *

Маме

Хмур нынешний день в переписке.
Туман.
Только сердцу и зрим
родным берег мой,
а мне – близких.
Всё памятью мы озарим.

Не чужд мне тот берег,
им – этот.
Здесь корни семьи,
там – рождён.
Надежда увидеться к лету –
несбыточный, кажется, сон.

Бумаге доверят вдруг руки
(вздохнувшим строкам вопреки!)
минувшие дни без разлуки –
пожатье над буйством реки.

Другой огонёк из тумана
ждать месяц и два, может быть.
К листкам вновь припав
(манна, манна!),
хотим о тревоге забыть.

Неспешно прочитана пачка.
Ничто не осталось в тени.
В душе начинается качка.
Но тут показались огни.

Так весточкам радуясь новым,
продолжат сердца разговор.
Всё ёмче смысл каждого слова.
Всё шире духовный обзор.

И письма, как ниточка света,
пробившись в закрытую дверь,
затеплят маяк.
Он к рассвету
добраться зовёт нас теперь.

1999

* * *

Проживаю жизнь свою во сне.
Прошлого касаюсь тихо взглядом.
Я лечу,
лечу над Ашхабадом.
Я лечу,
лечу,
лечу
во сне.

Помню — всё.
А я ведь не был столько!
Радостно свидание и горько.
Я лечу,
лечу,
лечу во сне.
«Яшули!» — кивают клёны мне...

2008

* * *

Ашхабаду поклонюсь.
И о близких помолюсь.
Улетает, словно птица,
вдруг нахлынувшая грусть.

Здравствуй, древняя земля!
Здравствуй, отчина моя!
Помню я об Ашхабаде.
Помнят здесь ещё меня.

Здесь отца земной предел.
Мне в житейском море дел –
лоция отца уроки.
Сколько в жизни он успел!

Вновь могу обнять я мать.
Столько нужно ей сказать!
Кто придумал расставанья?
Очень трудно уезжать.

Ашхабаду поклонюсь.
И о близких помолюсь.
Улетает, словно птица,
вдруг нахлынувшая грусть.

2008

* * *

Кончается эпоха.
Что там, за рубежом?
Что кинем здесь со вздохом,
гонясь за миражом?

1999

* * *

Я живу не в виртуальном мире.
Міръ, где я живу, —
теплей и шире.
В нём я и сквозь скорби вижу Свет.
Инструмент лишь для общенья интернет.

2010

* * *

О, интернет, лукавый плут!
Нет там нас,
где давно не ждут...
Тот, кто искал общенья с миром,
теперь своим пленён кумиром.

В себя бы нам вернуться снова.
В начале, вспомним, было Слово!

2010, 2012

* * *

Злобою окутана планета.
Передел идёт в который раз.
Мы живём на расстояньи интернета.
Видим миг, как распинают нас.

2011

* * *

Что-то мы уже забыли.
В чём-то мы уже отстали.
Может, мы душой остыли?
Иль от праздности устали?

Был прищур на недостатки.
Много лет играли в прятки.
И бежали без оглядки,
всё мечтая о разрядке.

Мы теперь глаза открыли
и кусаем локти яро.
Ну, а раньше где же были?
Утекало время — даром!

Щедро слёзы мы роняем,
чтоб оплакать все потери.
На себя лишь не пеняем,
что чего-то проглядели...

1992

Душа

Душа забвенью зря училась...

В.В. Набоков «Что за ночь с памятью случилось» (1938)

«Душа забвенью зря училась...»
Наука та не шла на лад.
В тенетах лжи, страдая, билась.
И вот теперь в душе — разлад.

Разлад в душе от неприятья:
пытались чуждому учить.
Лгать —
надевать чужие платья.
Но сбросить —
голой стыдно быть!

О, души-сёстры,
души-братья!
Коль мы бессмертны,
как же жить?
Разлад в душе...

1988, 2012

* * *

Если в жизни всё гладко и просто,
ты у всех на хорошем счету.
стала слишком уверенной поступь
и дела безмятежно идут —

ты не тешься успехами вволю:
где-то рядом страдает другой.
Не судьбой —
поменяйся с ним ролью:
испытай хоть когда-нибудь боль...

1982

* * *

Словно слёзы, слова катились.
От отчаянья и родились.
Если выслушать –
полегчает:
нас участье чьё-то смягчает.

Вместе – в горе,
в обиде – вместе,
Коль попросят вас...
Так – не лезьте.
В души дверь открывают сами.
Загляните в них меж делами.

Посидите час...
Пусть не с другом –
с человеком,
чей мир поруган,
с человеком,
что был на грани...
Вы его сохранили с нами.

1984

* * *

Не ждёшь, уйдя, ты тризн и панихид.
ты в воздухе, как облако, растаешь.
И в памяти у тех, кто знал, оставишь,
быть может, свой чудаковатый вид.

— Прощай! — сказал и сердцем и душой
Земле ты, что была тебе приютом.
Её покинешь ранним-ранним утром.
Пространствуй по Галактике большой.

Второй Земли нигде, наверно, нет,
хоть к совершенству ей ещё тянуться.
Однажды ты решишь назад вернуться.
И вот во тьме Земли увидишь свет.

Дома, огни — игрушки с высоты.
В родном краю ты в поле приземлился.
Вернулся — ты!
Конечно, это — ты!
Вот новый человек, твердят, родился.

1988

* * *

Звезда, мерцая в вышине,
на Землю шлёт свой свет.
Когда дойдёт тот свет ко мне,
звезды уж, может, нет.

Через Вселенную века
тянулся этот путь.
Великий труд!
О нём — пока
Ты жив —
не позабудь.

Вот также гаснет человек.
Но свет свершённых дел
из своего проник в наш век,
до нас дойти сумел.

1974

Ночной сонет

Слышу умолкнувший звук
божественной эллинской речи.

А.С. Пушкин «На перевод Илиады» (1830)

Кровь предка-грека говорит во мне.
Прародина, красавица Эллада,
душе ты русской — вечная лампада.
Твой свет опять я увидал во сне.
А может быть, луна в моём окне
причудливо коснулась ночью взгляда?!
Далёкое мне показалось рядом —
я был, где был, но и, возможно, вне?
И, отдаваясь радостно волне,
что к берегам великим вдруг помчала,
в тот миг я познавал своё начало.
И любопытство утолил вполне.
Как Одиссей, из странствий возвратясь,
в душе хранить с минувшим буду связь.

1977, 1999

* * *

Свет в окошке –
Божий свет! –
радует нас
изо дня в день,
проникая
в наши души
через оконный
крест.

2010

* * *

Не всегда радуемся
свету в окошке.
Суета мешает
созерцать
обыденное,
любоваться,
восхищаться
движением жизни,
очищенной
от мрачных черт
оконным крестом.
И вот уже –
ночь.

2010

* * *

Как свет в конце тоннеля –
поутру свет в окошке.
Порой в сумраке ночном,
когда не спится,
мучают тревоги
и сомнения,
долго-долго движешься
в замкнутом пространстве.
И вот наконец-то
рассвет забрезжил –
Божий свет!
Надежда.

2010

* * *

Снасти ветхи, мачты тонки,
борт - не низок, не высок.
Жизнь похожа на обломки,
но трепещет парусок.

Елена Буевич. «Кораблик»

Ещё ночь, но будет утро,
встанет солнышко для нас.
Так трепещет — сердце будто! —
парусок,
что в бури спас.

Ждём мы чуда, как всегда.
Здесь, почти у самой кромки,
вдруг срастаются обломки —
там, где берег и вода.

Вот у этой зыбкой кромки
все смываются невзгоды.
Пусть надежды очень ломки,
но какие наши годы...

Парусок, что в бури спас,
так трепещет — сердце будто!
Встанет солнышко для нас.
Ещё ночь, но будет утро!

2010, 2012

«Заснуть человеком — проснуться котом...»

Сверчок

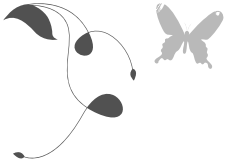
Вот подошёл для песни срок.
Миг проявить талант.
Поёт по вечерам сверчок –
запечный музыкант.

Бушует вьюга за окном,
дороги замело.
А нам, кто со сверчком знаком,
тепло,
легко,
светло.

День совершил круговорот.
С прогулки появился кот.
И развалился у печи.
Знай свой шесток, сверчок, – молчи

Свою кот песню заурчал.
Сверчок опешил, замолчал.
Когда уснул у печки кот,
сверчок, не ведая забот,
как повелось из года в год,
опять себе поёт.

2010



* * *

Душевным порывом живу я.
Себя обуздать не спешу.
Сквозь сон шумят, что-то почуя,
вороны.
Я их не впущу.

Уселись окрест на деревья.
Мне в митингах бурных ворон.
Открылись людей суеверья.
Ворвутся вдруг —
чур меня! —
в сон.

«Что жизнь?!
Это — буря большая...».
(Они ею биты уже!).
Галдят доброхоты, стращая
Мечту мою:
«Прячься в душе!»

Сквозь сон шумят, что-то почуя,
вороны.
Я их не впущу.
Душевным порывом живу я.
Себя обуздать не спешу.

1989, 2012

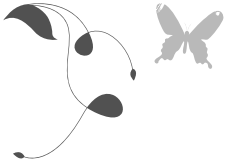
* * *

Заснуть человеком –
проснуться котом.
А что же прикажете
делать потом?!

Котом Бегемотом
окажешься вдруг.
Закрутит-завертит
булгаковский круг...

Проснусь и покину
кошачее племя,
Хоть быть Человеком –
нелёгкое бремя

2011



Голубка и кот

Улетела голубка.
И в прыжке не поймал.
Вот сижу одиноко.
Да гляжу на причал.

На безбрежное море.
Где она?
Далеко?
Улетела голубка.
Пережить нелегко.

Ты «не плакай, голубка»!
Нет, не хищник, поверь.
Элегантная шубка.
Я — воспитанный зверь.

Так сижу вот часами
здесь в кошачьей тоске.
Твой портрет коготками
напишу на песке.

А была ли голубка?
Может, просто мираж?
Отвернулся, простите!
Ведь не порчу пейзаж.

2010

* * *

Не рыжий кот, но золотой –
высокой самой пробы.
Он в дверь скользнёт перед тобой,
как солнца луч особый.

Тигриной столько в нём красы.
Величественной стати.
Лучатся царственно усы –
отличье древней знати.

2012

«Стихи приносят очищенье...»

Монолог бронзового Пушкина

В надежде славы и добра
Гляжу вперёд я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

А.С. Пушкин. «Стансы» (1826)

Как от проказницы Зимы,
Запрёмся также от Чумы.
Зажжём огни, нальём бокалы
Утопим весело умы
И, заварив пиры и балы,
Восславим царствие Чумы.

А.С. Пушкин. «Пир во время Чумы» (1830)

И долго буду тем любезен я народу.
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

А.С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836)

В надежде славы и добра
гляжу в ваш век я без восторга:
закат в нём славных дней Петра,
пошла за грош Россия с торга.

Чубайс — герой, не Кочубей.
Из крох пир справил воробей —
Банкир, став важной птицей
ныне.
Давно зимуют на чужбине
Отчизны лучшие умы.
Теперь в стране сезон чумы.

Пройдёт и это.
Дни сотрут
кошмары, ранящие душу.
Ваш, воробьи, покой нарушу.
Гость каменный, я рядом, тут.

И тем любезен я народу,
что даже в мерзкую погоду
здесь вашу стерегу свободу.

Уж много лет дружу с тоской.
Хочу, потомки, слышать снова,
когда вернусь я на Тверской,
звон колокольный из Страстного.

Мне пышный юбилей не мил
и почестей властей не надо.
Живу в сердцах,
всегда в них жил.
И это — высшая награда.

1999

* * *

Русское Зарубежье.
Кто же развёл-то нас?
В этом иномережье
разве другой Парнас?

Разве иные корни
или другая речь?
Белое числят чёрным?
Нечего им беречь?

Или за всё платили
совестью наперед?
Родину прокутили,
предали свой народ?

Нету той неба сини?
Птиц так не ждут они,
что, побывав в России,
им, поэтам, сродни?

Душу народа разве
можно ль, достав, разъять?
Что отчужденья?
Казни,
коль не хотим понять...

Русское Зарубежье.
Знаем ли имена
тех, кто уехал прежде?
В чём поэтов вина?

Если и пел кто:
«Боже...
Боже, царя храни!..» —
в Праги, Парижи всё же
дух нёс родной страны.

Образ её жил в сердце:
русский размах, полёт...
В тесных кварталах скерцо
как свой воспеть народ?

Русская песня шире —
Волга иль Енисей.
В том, чуждом сердцу мире,
друг нашёлся ль верней?

Русские есть поэты
(место рожденья — там!)
с детства души задеты —
боль в них к отцов местам.

Отпрысков эмигрантов,
льющих по-русски грусть,
в сонмы своих талантов
примешь ли сердцем, Русь?

Тем, кто уехал позже,
тоже не повезло.
Им, без Отчизны («БОМЖам»?!),
в спины смотрели зло.

Сколько летело брани
в адрес иных имён –
поздних «врагов» и ранних.
Сон?
Не кошмарный ль сон?

Нету уж злобы прежней.
Русское Зарубежье
в профиль знать и анфас.
Русское Зарубежье,
ты прорастаешь в нас.

1986, 2012

* * *

Нет, не сводил с книг классиков я пыль,
не зная пыл. Всегда их чтил стихи я.
Я в стих входил, внутри стиха я жил.
Душа жива, дыша его стихией.

Спас, охранил собор певцов, дал кров,
помог не вдруг увидеть очертанье
своих стихов. Декор тех, нужных, слов
в них внесть не с рук, а каторжным
стараньем.

Всё в песнях ново — времена иные.
Век с веком слово единит собой.
Культуры слой — Дворцы стиха больные:
вид нежилой. Но Дух стиха — живой!

Не им, а нам бы реставратор Духа.
Кто Он и где? Возможно, уж в пути.
Хореи, ямбы долетят до слуха —
шаги людей... Он — должен в Дом войти.

1988

Рябина

Памяти ашхабадского поэта
Вадима Зубарева

Рязанщина не знает сына:
он жил вдали.
Зачем ты, весть?!
Ещё не время нам прочесть
посмертный сборник – «Осенины».
Куда цветы мне отнести?!
Ещё пескам, снегам мести...

Ещё не склевана рябина.
Ещё кровинкам жить на ветке
и быть в заложниках у птиц.
Так нам, томясь, ждать вести редкой
из-за придвинутых границ.

Ещё на фото близких лица
не омрачает тень разлук.
Ещё день зимний в душах длится.
К весне повернут солнца круг.

1998, 2012

Камертон

Память дрожит. Как по озеру - дрожь.
Счастье оставишь, а горе сотрёшь
в этой картине.
Будет пейзаж. А вернее - портрет:
В будущем свет, и прошедшего нет -
ты посредине.

Елена Буевич. «Память дрожит...»

Струны послушны движению рук.
И камертон – сердца вашего стук.
Песни рожденье.
Непостижим всегда этот секрет.
Или секрета здесь попросту нет?
Может, терпенье...

Нет, не случайно под струн перебор,
стих, что забыт был до нынешних пор, –
как озаренье! –
слился однажды с мелодией вдруг.
Как бумеранг, описавший свой круг,
песни рожденье.

2011

* * *

Ещё по улицам хожу
подолгу, не спеша.
Строку как истину ищу,
открыта ей душа.

Ты — лист последний на ветру,
игрушка всех стихий.
Ещё не отданы перу,
не сказаны стихи.

1988, 2012

* * *

Горе`ли повод ревновать?
Да, тучи чтут вершину,
но очень любят наплывать
порою вниз, в долину.
Ручью ль корить исток за то,
что летом высыхает?
Долины голубой простор
внизу лежит, не тает.
Плывите тучами, стихи,
дождём пролейтесь где-то.
Пусть губы, как ручьи, сухи,
но шепчут вновь сонеты.
И вновь взор радует простор
и к солнцу устремлённость гор.

1989

* * *

Словно снимая тяжёлый засов,
вдруг открываешь пленительность слов —
слов, что затёрты в быту до предела.
В дело!
Чтоб каждая буковка пела.

Пела душа, их постигшая смысл.
Мысль не казалась уже угловатой.
Уши и мир не поссорены ватой —
той, что не впустит запретную мысль.

Словно снимая тяжёлый засов,
я открываю пленительность слов.
Сколько поэзии в слове!
Каждое — будто мне в нове.
И, наполняясь любовью,
столько дарю им часов.

1990

* * *

Простите меня, черновые,
что я вас сегодня отверг.
Вы, дерзкие и живые,
явились, строчки в четверг.

В субботу и воскресенье
вы нравились мне пока.
Но замысел — землетрясенье.
И вот покачнулась строка.

За нею — другая... Словом,
строфы разрушился дом.
Вы были началом, основой
того, что родилось потом.

И жизнь, и поэзия —
айсберга пик.
Как с первой любовью
ты схож, черновик.

1991

* * *

Ломаю ритм — кусочек хлеба.
Устал от рифм.
Замучили.
Бежать от них хотелось мне бы.
Миф — жизнь в благополучии.

Но только мне, мне, мне
не жить ни дня без них.
Они ж могли б вполне
чужой украсить стих.

А мысли пчёлами гудят,
когда тревожат улей.
Есть рифмы, что сквозь сон летят.
Как сон, перескажу ли?!

1991

* * *

Звучат во мне стихи, не умолкая.
Мне дорог полюбившийся мотив.
Кого-то на земле я продолжаю.
Продолжусь ли, когда не буду жив?

Мой лучший стих, ты песней лебединой,
взлетишь в прощальный миг под облака?
Но тело и душа пока едины –
не создана последняя строка.

И я небытие, глядишь, нарушу:
в поэте возродится пусть поэт.
Уж нет того, наследую чью душу.
Но что душе бессмертной дымка лет?!

Звучат во мне стихи...
То чьи-то души
мне вдруг шепнули нужные слова?
Умом и сердцем им внимай и слушай.
Их думой наполняйся голова!

Звучат стихи.
Печалят их утраты.
Успеть!..

Как ночь –
пишу, пишу опять.
Наставники мои не просят платы.
С зарёю им так жалко улетать.

Им слава безразлична мировая.
Ничто не удлиняет жизнь вдвойне.
Кого-то на земле я продолжаю.
Звучат стихи,
стихи звучат во мне.

Звучат стихи.
Мои ли, их – не знаю!
И спор в них о добре идёт и зле.
Собою быть...
Но всё же не теряю
то светлое, что увидал во мгле.

Предскажут, жду, судьбу мою.
Мелькая,
тропиночка моя, найдись с высот.
Звучат во мне стихи, не умолкая.
Неужто их мотив во мне умрёт?!

1989, 2012

* * *

Две строчки напишу в своём блокноте.
Потом, перечеркнув, примусь опять.
Как птица, рядом стих парит в полёте.
Всё кружит и не хочет улетать.

Бессонной ночью или утром рано
рождался стих, чтоб жить — не умирать.
Те строчки, что оставил, словно раны,
мне будут о себе напоминать.

1990

* * *

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.

А.С. Пушкин. «Поэт» (1827)

Стихи приносят очищенье
от всех невзгод, от всех обид.
Душа и рвётся, и болит.
В стихах — восторг
и тень сомненья.

И будет день,
придёт мгновенье.
Тот светлый миг не упусти!
Рождается стихотворенье.
В нём — не убий!
Пойми!
Прости!

1982, 1999

Пишущая машинка

У машинки, словно сердце,
что-то ёкнуло в груди.
Потерпи, товарищ верный,
до утра...
Не уходи!
— ... — ... — ...

Не закончена работа.
Сном на плечи давит ночь.
Для вещей нет «неотложек».
Им иль нам трудней помочь?!

Смерть в движенье —
может, счастье?!
Где конец,
когда финал?
Ночь.
Ещё страничку держит
став безжизненным металл.

1990

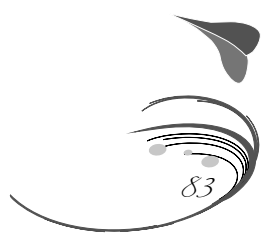
Сердца мелодия

* * *

Ты — близка и далека,
словно лучшая строка.
И добра ты, и строга,
словно лучшая строка.

Я смотрю тебе во след.
Мой романс ты, мой сонет.
Явь и мимолётный сон.
Радость и душевный стон.

1994, 2012



* * *

Боль и быль — не рядом в словаре.
Быль и боль, боль и быль.
Счастье было явью в январе.
А декабрь — грустным был.
Счастье превращается в быль.
Мог пустяк сыграть в этом роль.
И, как вещь, любовь скроет пыль.
И, как моль, закружится боль...

1993

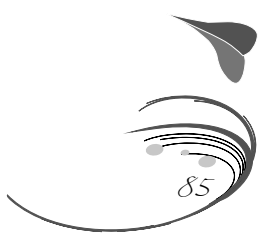
* * *

Разлука – как вечная спутница:
прогонишь –
опять возвращается.
Её не пугает распутица.
От сердца всё к сердцу скитается.

Её появленье негаданно.
Нежданно,
уж это – наверное.
Как будто судьбой предугадано –
быть порознь.
Вот заданность скверная.

Как будто судьбою начертаны
развилка дорог и прощание.
Доказано много раз:
смертны мы.
Но хочется верить в свидание.

1994



Сердца мелодия

Голос.
Улыбка.
Вы рядом.
Вы здесь.
Вами пронизан
день сумрачный весь.

Вечный мотив,
прекрасный мотив.
Сердца мелодия...
Я ещё жив!

2010

* * *

В той, неслучившейся, судьбе –
всё было бы другим.
Мечты, мечты...
Не лги себе.
Ты создан был таким.

Да, ты терзаешься, грустишь
и мечешься порой...
Жизнь –
не безветренная тишь,
как ты её ни строй.

Но, возвратившись в мир потерь,
где прошлое – до тла,
однажды постучишь ты в дверь
к той,
что тебя ждала.

1989, 2011

Февральская лазурь

На белый лист
разлилась тушь
И потекла на стол.
И рифм созвучие,
и душ —
алмаз,
что ты обрёл.

Но в неприкаянной судьбе
не только —
мели,
рифы...
Любовь живёт,
любовь к тебе —
Надёжный парус рифмы.

Судьба к судьбе...
К судьбе судьба...
Где гавань кораблю?
О, Боже,
пощади раба:
я так её люблю!

В моей душе,
в моей душе,
где было столько бурь,
весна уже,
весна уже —
февральская лазурь.

2010, 2012

Амфора

Теки, вино, струёю пенной
В честь Вакха, муз и красоты!

А.С. Пушкин.«Торжество Вакха» (1818)

Был амфоре дивной,
лежавшей в глубинах морских,
доверен, как тайна,
поэта безвестного стих.

Полжизни учёный
отдал
и сей стих был прочтён.
Смысл вечен, прекрасен:
«Люблю!
Красотой опьянён...»
А пена морская,
сменившая пену вина,
на берег катилась...
Любовь пробуждалась от сна!

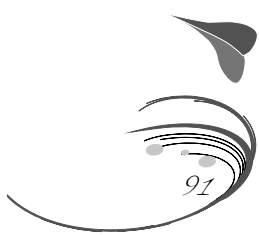
И к амфоре старой,
забывшей веселье пиров,
весь мир потянулся
испить тех спасительных слов.

1982, 1999

Песня

Рождается песня.
Она – как души откровение:
за каждою строчкой –
то радость большая,
то вздох.
К нам счастье приходит.
Всё было:
надежды,
терпение.
Так, камни пробив,
вырастает в расщелине мох.

Пусть песня звучит!
Пусть она никогда не кончается.
И струны гитары
послушными будут рукам.
Сегодня у нас
всё иначе –
с тобой –
получается.
Как это прекрасно,
что выпало встретиться
нам!



Мир выражен в песне
с такою душевною страстью!
Есть в песне порыв,
хоть с трудом подбирались
слова.
И каждый из нас,
отыскавший тропиночку
к счастью,
достигнув его,
не поверит,
быть может,
сперва...

1994, 1999

* * *

Сердцу лишь слышать дано
голос далёких светил.
В полночь открыто окно.
Тихо на Млечном пути.

Сказки пленительны сна.
но ненадёжен тот мост.
Не отходи ж от окна!
Слушай мелодию звёзд.

Это мгновенье – одно!
Ты его не упусти.
В полночь открыто окно,
тихо на Млечном пути.

Тихо на Млечном пути.
В полночь открыто окно.
Голос далёких светил
сердцу лишь слышать дано...

2003

* * *

Фотодиптих. Мы у Крупина.
Здесь вот лето, здесь ещё весна.

В день осенний средь забот и дел
словно Ангел тихо прилетел.

И улыбки милой вашей свет
всё хранит от горестей и бед.

2010

* * *

И Ангел так порою строг.
Уж не сердитесь,
докучаю.

Шлю эсэмэс Вам.
А предлог?

Люблю Вас,
жду,
молюсь,
скучаю...

2010

* * *

А мне бы вот только
услышать ваш голос.
И слышать его
до скончания века.

Ну кто я без вас...
Я — колосс или колос,
что чахнет
без человека?

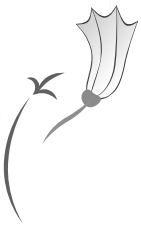
И рушится всё.
Неприкаянна нива.
И зёрна от плевел
очищу едва ли.

Ваш голос мне — манна.
Ваш голос мне — диво.
Есть в голосе Слово,
что было вначале.

2010

«Дух вечности в песчинках оживёт...»

Рубаи

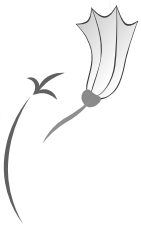


* * *

История – как бурная река.
Но устье где, куда текут века?
Немало по Земле прошло пророков.
Где в Книге судеб красная строка?

* * *

Что знаем о рухнувших древних мирах?
Цвела ли Любовь в них, господствовал страх?
Все знанья, пришедшие после Потопа,
богаче ли тех, что рассыпались в прах?!

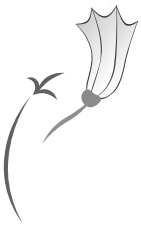


* * *

Археолог одно городище открыл.
Холм оплывший людские останки хранил.
За свободу боролись с монголами предки.
Битвы шум зазвучал из поспешных могил.

* * *

Первая смертельная стрела.
Всё летит. Она, увы, цела.
Выбирая сердце подобрее.
Вдруг пронзит его из-за угла.

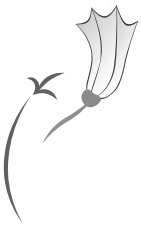


* * *

Опять стреляет в брата брат.
Так было, знаем, много крат.
Лишь шаг один к Любви всемирной.
Но вновь мы катимся назад.

* * *

Остановилось Время в той стране,
где люди погибают на войне.
Их души из другого измеренья
скорбят о нас: Дом губим свой в огне.

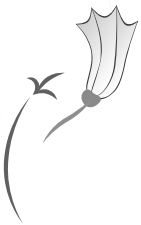


* * *

Часов песочных безупречен ход.
В них Время осязаемо течёт.
Переверну часы. Как в мирозданьи,
дух вечности в песчинках оживёт.

* * *

Я выпадаю из числа, не вписываясь в круг.
В своём квадрате я тружусь, не покладая рук.
От чванства лопнувших нулей выносит жизнь из круга.
В круг рвётся новая толпа. Я их не знаю мук.

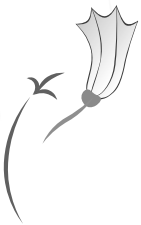


* * *

Стоглавой молве вопреки —
твои так свободны шаги!
Все ноши, что в жизни случались.
В сравнении с этой — легки.

* * *

Как много в жизни нам дано.
Но вечно правило одно:
осушишь душу, как колодец, –
сухое обнажится дно.

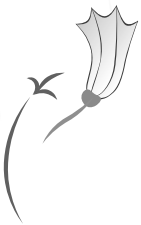


* * *

В великом очень много простоты.
Никчемное не скроет пустоты.
Оценит всё и взвесит только Время.
Что на весах — награды и посты?!

* * *

Потраченное время – капитал,
который ты имел и потерял.
Мысль гложет, если сам повинен в этом.
Досадно, горько, если кто украл.

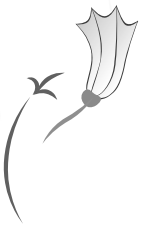


* * *

Горы в надписях до вершин.
Сколько их — знает Бог один.
Те, кто быть на виду старался,
безвозмездно не гнули спин.

* * *

Следствия на службе у причин.
Отведён судьбой им ниже чин.
До вершин абсурда поднимался
от корней оторванный почин.

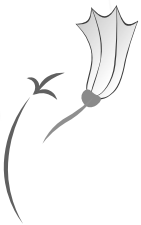


* * *

Зерно, чтоб накормить людей, растёт,
рождая колос. Хлеб венчает год.
Способны ль мы хотя бы раз на жертву
иль каждый шаг рассчитан наперёд?!

* * *

Зёрнам пшеницы – тысячи лет,
их из раскопа поднял на свет,
может, потомок того землепашца,
чей обнаружен в истории след.

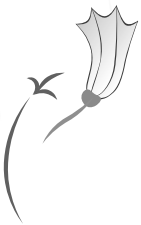


* * *

В колодце старом высохла вода.
И в недрах тёмных спутались года.
Кого поил вчера он: «красных»... «белых»...
иль шла в набег монгольская орда?!

* * *

Свершилось! Зодчий выполнил указ:
воздвиг для услажденья шахских глаз
дворец, какого нет в подлунном мире...
владыка ослепил творца тотчас.

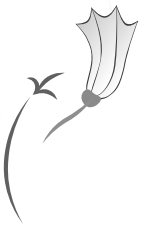


* * *

– О, скульптор! – вдруг взмолилась глина,–
ответь: ну, разве я – повинна,
не став прекрасной Галатеей?
И вновь не образ – образина.

* * *

Совершенства в тебе открываю теперь.
Улыбаешься ты: «Хорошенько проверь!
Если вдруг всё потом отнесёшь к недостаткам.
От потери иллюзий так горько, поверь!»

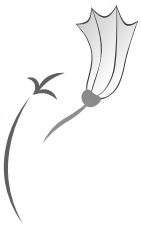


* * *

Ты — роза. Хочу соловьём быть твоим.
Весь мир улыбался б влюблённым двоим.
Пенять на судьбу — так её не изменишь.
Понять поутру: я люблю, я любим...

* * *

Сознание спросило бытиё:
– Так в чём предначертание моё?
Добром чрезмерно я ль пренебрегаю?
Иль ты всегда навяжешь зло своё?!

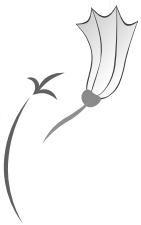


* * *

Ниспосланную свыше благодать
бедняк, что потерял надежду ждать,
лишь ввёл в свой дом — пришёл сосед богатый:
— Пируешь?!.. А долги?!.. Изволь отдать!

* * *

Истина в инстанциях застряла:
подписей под нею было мало.
Жёлтая архивная страничка
о погибшем деле рассказала.

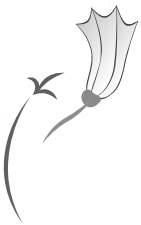


* * *

Сложив всё, что ценно в суму, –
уехать... Куда?.. Почему?..
Да разве оставишь могилы
родных?! Это горько уму!

* * *

Испытанье Пустыней проходят века.
Сколько царств, погребённых под толщей песка!
Мы, песчинки Вселенной, её изучаем.
А Пустыня — не меньшая тайна пока.

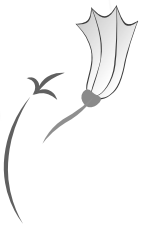


* * *

Хранит Пустыня древние культуры.
Она — Коран, а городища — суры.
Читаем Книгу эту много лет.
И в прахе гений жив архитектуры.

* * *

Пустыня! Твои миражи прекрасными кажутся снами.
В контакт здесь вступают миры, общаться пытаются с нами.
Истёк для общения срок. Вода вновь уходит в песок.
Наверно, на долгом пути должны измениться мы сами.

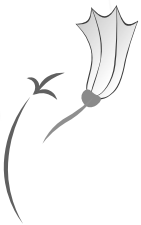


* * *

Пески пустынь — все те, кто жил до нас?!
Любил. Страдал. Мечтал. Как звёзды, гас...
Струятся судьбы медленно с ладони.
Потомка изучают сотни глаз.

* * *

За перевалом новый перевал
за жизнь свою не раз одолевал.
Последний оказался весь в тумане.
И ты, увы, дорогу потерял.



* * *

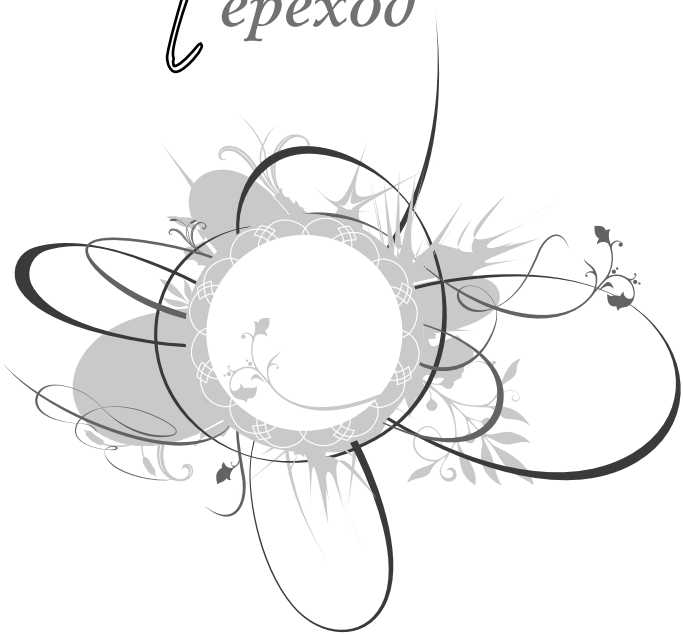
Душе известны сумрак и рассвет.
В земной и грешной – нечто от планет.
Когда мы сходим со своей орбиты,
душа – живёт, распространяя свет.

* * *

Сквозь толщу стен и тонкое стекло,
сквозь нас и мимо время в даль текло.
Каким оставим Дом мы нашим внукам?
Дай Бог, чтоб в жизни больше им везло!

1992

Переход



Столичные были

Поэма

1.

В полутёмном переходе –
жизнь, пленённая в штрих-коде.
Суета, как пенопласт.
И, хотя не наш он вроде,
в нас живёт Екклесиаст.

Очередь полуживая,
переход весь заполняя,
вспениваясь, как ситро,
по мобильникам болтая,
поглощается метро.

2.

– «Что во сне обычно снится?» –
В переходе соцопрос.
– «Снятся дорогие лица.
Мама в платьице из ситца
и в колхозе сенокос».

3.

И рабочий в микрофон:
– «Про завод наш снится сон.
Я теперь – не гегемон.
Кто же я? Наёмный класс.
Дела нет властям до нас».

4.

— «Снится надоевший босс.
Задаёт такой вопрос:
— А у вас давно психоз.
Я грызу вас двадцать лет.
У меня психоза нет.

Вот на пенсию идти.
Стресс и служба, и дорога.
На работу к девяти.
Но другую как найти,
хотя фирм и очень много?!»

5.

— «Поезд, мчащийся всё время.
Не по рельсам, просто так.
Эти сны — такое бремя.
Не избавиться никак.
Всходит вновь кошмара семя».

6.

Вот дрожат солдатки плечи:
— «Полегли в Чечне сыны
И про них всё снятся сны.
На могилках, словно свечи,
две высокие сосны...».

7.

В переходе — соцопрос...
Что ж, на них сегодня мода!
Знает лишь толпа два входа.
Так какой с прохожих спрос?!
Это — тени от народа.

8.

Бойкий торг ведут индусы.
В кучках всё — браслеты, бусы
и заморский всякий хлам.
О, доверчивые русы!

Так горят глаза у дам!
Наши Оли, наши Веры
изменили имидж свой.
Кошельки покуда целы,
охая, в свои пределы —
кто на службу, кто домой!

Знают ведь, как оплошали:
моль давно сожрала шали,
что от бабушек хранят.
Жизнь, несущую печали,
разве скрасит маскарад?!

9.

Рядом сердце рвёт афганец.
Песня соберёт зевак.
Не чужой, не иностранец.
Но в расстёгнутый рюкзак
редко бросит кто пятак.

10.

Просит нищенка на хлеб. Словно клоны,
И китайские щенки бьют поклоны.
Сколько здесь течёт судеб ежечасно!
Кто подаст, кто так пройдёт безучастно.
И Россия, как та дочь, ох, несчастна.

Ширпотреб, как шелкопряд, пожирая,
хлеб насущный, яд несёт из Китая.
В жизнь России вгрызаясь упрямо,
их игрушки говорят уже «Мама!».
Шок и шоу — наша русская драма.

11.

Суета, унынье, страх...
Разве это ново?
В переходе и монах —
не понять в каких годах! —
Сказывал с Ростова.

Позабыл он счёт часам.
Горяча молитва.
Жертвы мизерны на храм.
Отче, здесь Спаситель сам.
Здесь за души битва.

Отче, отче, помолись
Сергию святому.
А ступеньки вниз да вниз.
Отче, в чём же жизни смысл?
Как не впасть нам в кому?

12.

В выпавший мне уикенд
выбрался я из столицы.
Эти были — небылицы
записал — пришёл момент! —
чтобы с вами поделиться.

Всё!
Во что бы то ни стало
отсылаю вас в начало...

13.

В полутёмном переходе –
жизнь, пленённая в штрих-коде.
Суета, как пенопласт.
И, хотя не наш он вроде,
в нас живёт Екклесиаст.

2012

СОДЕРЖАНИЕ

Свет доброты

«С міромъ!» 4
«В перекрестии дорог...» 5
К имени своему 6
Евстафий 7
Свет доброты 8
Фронтовая фотография 9
Неизвестному солдату 11
Птица-память 13

«Не иммигрант, не иностранец...»

«В тумане наскочил на рифы...» 15
Кобра 16
«Опять запоздавшее чувство вины...» 19
«Я часто думаю о том...» 21
«Жизнь России сегодняшней – кома» 22
«Горят леса – горит Россия...» 23
«Мы истоки свои позабыли...» 24
«Не иммигрант, не иностранец...» 25
«Выхожу один на сцену...» 26

«Так хочется весны...»

«Переход к зиме после Покрова...» 28
«В лесу вольготно елице...» 29
«Вдоль дороги стоят...» 30
«Вот и скрылась из виду деревня...» 31
Берёза 33
«В берёзовой почке...» 34
«Так хочется весны...» 35

«Ещё ночь, но будет утро...»

«Хмур нынешний день в переписке...» 37
«Проживаю жизнь свою во сне...» 39
«Ашхабаду поклонюсь...» 40
«Кончается эпоха...» 41
«Я живу не в виртуальном мире...» 42
О, интернет, лукавый плут! 43
«Злобою окутана планета...» 44
«Что-то мы уже забыли...» 45
Душа 46
«Если в жизни всё гладко и просто...» 47
«Словно слёзы, слова катились...» 48
«Не ждешь, уйдя, ты тризн и панихид...» 49
«Звезда, мерцая в вышине...» 50
Ночной сонет 51
«Свет в окошке...» 52
«Не всегда радуемся...» 53
«Как свет в конце тоннеля...» 54
«Ещё ночь, но будет утро...» 55

«Заснуть человеком - проснуться котом...»

Сверчок 57
«Душевным порывом живу я...» 58
«Заснуть человеком - проснуться котом...» 59
Голубка и кот 60
«Не рыжий кот, но золотой...» 61

«Стихи приносят очищенье...»

Монолог бронзового Пушкина 63
Русское Зарубежье 66
«Нет, не сводил с книг классиков я пыль...» 69

Рябина 70
Камертон 71
«Ещё по улицам хожу...» 72
«Горе`ли повод ревновать?» 73
«Словно сдвигая тяжёлый засов ...» 74
«Простите меня, черновые...» 75
«Ломаю ритм – кусочек хлеба...» 76
«Звучат во мне стихи, не умолкая...» 77
«Две строчки напишу в своём блокноте...» 79
«Стихи приносят очищенье...» 80
Пишущая машинка 81

Сердца мелодия

«Ты – близка и далека ...» 83
«Боль и быль - не рядом в словаре...» 84
«Разлука – как вечная спутница...» 85
Сердца мелодия 86
«В той, неслучившейся, судьбе...» 87
Февральская лазурь 88
Амфора 90
Песня 91
«Сердцу лишь слышать дано» 93
«Фотодиптих. Мы у Крупина...» 94
«И Ангел так порою строг» 95
«А мне бы вот только услышать ваш голос...» 96

«Дух вечности в песчинках оживёт...»

Рубаи 98

Переход

Столичные были. Поэма 131

Николай Алексеевич Головкин

РЯБИНА

Стихотворения и поэма

Редактор *Г.В. Александрова*
Оформление
и вёрстка *Р.А. Воденина*
Корректор *Н.Г. Алексеев*

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta.
ООО «Ваш полиграфический партнер»,
127238, Москва,
ул. Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com
Заказ №5098

Подписано в печать 19.12.2012.
Формат 70x90/32.
Гарнитура LazurskiC. Усл. печ. л. 4,6.
Тираж 200 экз.